

OCR & Spellcheck by A. V. Ivanov 12 September 2006

Источник: *Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1: Софисты: Роман-хроника. Евангелие от Фомы*: 1995; Москва; 1995.

Оригинал здесь: [Библиотека "Альдебаран"](#).

Аннотация

Иван Федорович Наживин (1874--1940) -- один из интереснейших писателей нашего века. Начав с "толстовства", на собственном опыте испытал "свободу, равенство и братство", вкусил плодов той бури, в подготовке которой принимал участие, видел "правду" белых и красных, в эмиграции создал целый ряд исторических романов, пытаясь осмыслить истоки увиденного им воочию.

I

Короткая летняя ночь догорала. За черно-синими горами умирала огромная, бледно-серебристая луна. Бледнели звезды. Где-то поблизости дремотно гулькал ручей.

На пестрой циновке, под старыми пальмами оазиса Энгадди, виднелись две белые фигуры... Два человека в широких белых одеждах ессеев -- одной из религиозных иудейских общин. То были: старый, весь точно прозрачный, с большой изжелта-белой бородой и усталыми, грустными глазами -- Исмаил, начальник общины, и один из ее членов -- галилеянин Иешуа, который, несмотря на его сравнительно молодой возраст, -- ему было около тридцати -- уже пользовался некоторой известностью как проповедник. Он был роста повыше среднего, смугл и худощав. Сразу приковывало к себе его тихое под пестрой чалмой -- судар -- лицо, а в особенности эти темные глаза: то были они немножко дики, точно пугливы, как у очень застенчивых детей, то -- в моменты глубокого волнения -- они вдруг согревались, загорались и освещали не только все лицо, но все существо молодого проповедника каким-то сиянием... Они провели в беседе всю ночь и, оба немного утомленные, сидели теперь погруженные в молчание.

Исмаил вздохнул.

-- Все так, все так... -- тихо уронил он. -- Но мне все же жаль, что ты хочешь оставить нас...

-- Не могу я оставаться с вами, рабби... -- проникновенно отвечал Иешуа. -- Люблю я бедность вашу добровольную и строгость, и чистоту трудовой жизни вашей люблю, мила мне жалость ваша ко всем страдающим и униженным, но многого не могу я принять у вас. Не могу я принять этой вашей постоянной боязни оскверниться, не могу я принять этого вашего горделивого отчуждения от людей только потому, что они не так живут, не так думают, как вы, не могу я принять и этого разделения братьев -- ессеев на высших и низших и бесплодных гаданий ваших о том, как был сотворен мир и какие имена были наречены ангелам, ибо знать этого нельзя, да и ни на что это человеку на его трудном пути не нужно... Зайди в любую синагогу, послушай, сколько споров, сколько разделения, сколько вражды между людьми из-за этих мелочей! А если разобрать все это как следует, то все это только жалкие человеческие выдумки... И заметь, рабби: когда дело касается главного, люди почти всегда согласны между собой и, во всяком случае, согласить их не трудно, а как дойдет дело до этих вот мелочей, так и начинаются раздоры, которых ничем не потушишь... А ведь все это только слова...

-- Конечно, только слова... -- тихо уронил Исмаил. Иешуа взглянул на него согревшимися глазами.

-- Не ожидал я от тебя такого слова, рабби! -- сказал он.

-- Пожалуй, я сам немного виноват во всем этом... -- отвечал старец. -- Может быть, мне самому нужно было заговорить с тобой об этом в свое время... Да, это, если хочешь, слова, но слова, нужные для детей духа, как нужны ребенку пеленки. Милый, -- ласково положил он свою прозрачную, трясущуюся руку на колено Иешуа, -- скажи: разве твоя вера теперь такая же, как в то время, когда твой отец учил тебя